

Поднимаюсь в гибельные выси

Веч. Москва. — 1999. — 9 янв. — с. 4

Нателла СВЕТЛИКОВА

Фамилия Джигарханян в переводе с армянского означает «властитель душ». Вот он и властвует над нашими душами уже более 30 лет. При этом Армен Борисович — чуткий и внимательный собеседник.

— Армен Борисович, около двух лет назад вы открыли театр «Д» под собственным руководством. Что вас побудило это сделать?

— У меня во ВГИКе был курс. 4 года мы о чем-то думали, размышляли, влюблялись, отвергали, снова влюблялись и т. д. Может быть, не все, но большинство ребят на курсе были хорошие. Они хотели заниматься искусством, театром, они были болыны этим. И оказались невостребованными. Я не знаю, как назвать чувство, которое я испытал. Родительское, наверное. Мне показалось, что это очень жестоко по отношению к ним.

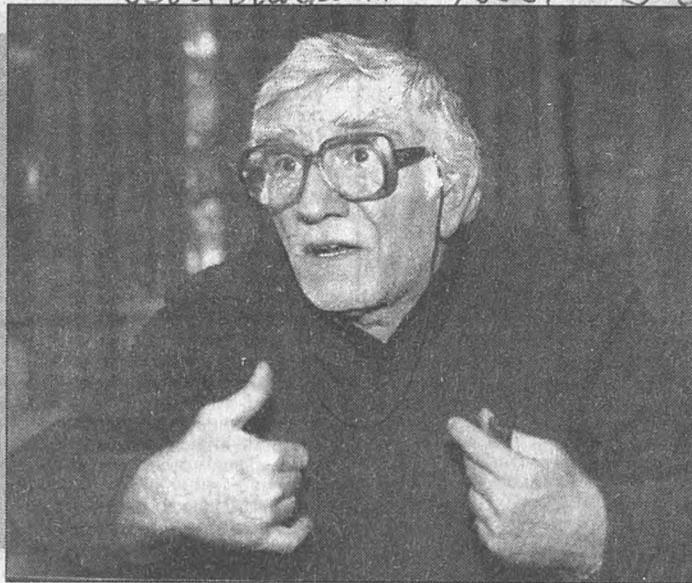
У меня не было и нет никаких амбиций, ни режиссерских, ни тем более амбиций руководителя театра. Я очень комфортно жил, живу и, надеюсь, буду жить в своей профессии. Но тут возникла такая боль... Помните: «Мы в ответе за тех, кого приручили...»? Я понял, что их нельзя оставлять на произвол судьбы. Я хочу, чтобы они выросли, окрепли, отгорелись душой у нашего очага, который мы назвали театр «Д».

— А какие спектакли в репертуаре театра?

— Играем Пушкина «Маленькие трагедии» — «Пир во время чумы» и «Моцарт и Сальери», «Казакин» Мольера — есть у него такая пьеса, про которую нам говорили, что она никогда не шла на театральных подмостках России, это «Али-Баба и сорок разбойников» — совершенно очаровательный спектакль для детей и юношества по пьесе Вениамина Смехова на музыку Сергея Никитина (когда-то была такая известная пластинка, а мы сделали спектакль...). Я свой моноспектакль по Сэмюэлю Беккету «Последняя лента Крэппа» перевел к нам в театр...

— Армен Борисович, а в труппе играют только ваши бывшие студенты или вы приглашаете артистов из других театров?

— Мы стараемся сохранить наш курс, хотя у нас есть и другой

опыт: в Пушкине Моцарта у нас играет замечательный артист Валерий Гаркалин, а я Сальери. Остальные роли играют молодые актеры нашего театра. Наверное, мастера, хорошие артисты будут принимать участие в наших постановках. Но это нужно делать очень осторожно. Я много лет работаю в театре и, как мне кажется, знаю почти все актерские болезни. Есть феномен массовки, когда артист год, два, три выходил на сцену только в массовке, и этот комплекс вошел в организм артиста, очень трудно из него выскочить. Может даже сдвиг в психике произойти.

— Но ведь не все выпускники театральных институтов сразу получают главные роли...

— Да, но одни преодолевают, другие не преодолевают, одни вскакивают, а другие гибнут — и такое бывает в театре. Все это зная, мы стараемся, чтобы какой-то баланс существовал. Молодые артисты должны играть. Они должны пройти тяжелый путь познания актерского ремесла, они должны научиться говорить и говорить ответственно. Они должны научиться не прятаться за чужую спину.

— Эти ребята — ваш единственный курс?

— До них у меня еще был национальный армянский курс. После этого я ушел или... меня ушли.

— По-человечески я вас понимаю: у вас болит душа за тех ребят, которых вы учили и которые остались не у дел. Но мне трудно понять, где вы находите время. Вы играете на сцене, вы

снимаетесь в кино — вы все время заняты. А нужно очень много душевных сил для того, чтобы заниматься с ребятами.

— Да, вы абсолютно правы. Иногда я выкраиваю время за счет сна, отдыха... Но отдача очень большая: я молодею с ними. Общение с ними — очень важный процесс избавления от ожирения сердца. Они еще пока очень натуральные, естественные. Пройдет время, и они тоже обростут театральными штампами, но сейчас на все реагируют очень неожиданно.

— Армен Борисович, больше года прошло с того момента, как вы перешли из Театра Маяковского в театр «Ленком», с которого, впрочем, начинали московскую карьеру. Не жалеете?

— Лет 30 назад мы встретились с Марком Анатольевичем Захаровым на поразительном материале — «Разгроме» Фадеева. Мы прожили с ним очень интересную жизнь в этом спектакле и больше вместе не работали. Мы виделись: я приходил в театр, он — в Маяковку, общались на днях рождения. Но самого главного, самого сладкого, самого удивительного общения (режиссер — актер) не было. И вдруг он меня позвал...

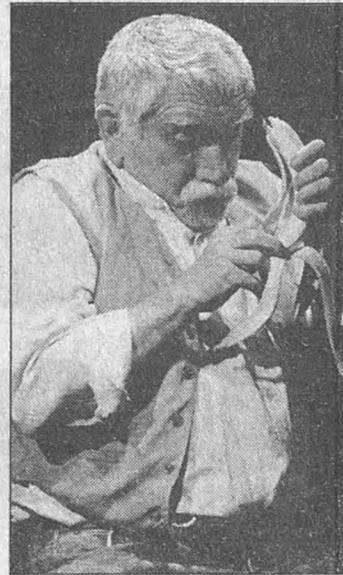
— Марк Анатольевич пригласил вас на какую-то конкретную роль?

— Нет, он сказал, что такого-то числа сбор труппы — приходи. Я пришел. В труппе «Ленкома» очень много моих друзей, хороших актеров, с которыми работал раньше, снимался. Вот так и пошло-покатилось. Наверное, время все расста-

Общение с молодыми предохраняет Армена Джигарханяна от ожирения сердца

вит на свои места, но все произошло очень естественно. Я не почувствовал, что с улицы Герцена перешел на улицу Чехова или с Большой Никитской — на Малую Дмитровку.

— Пока вы заняты только в одном спектакле «Ленкома» «Варвар и еретик».

И с театром справлюсь, и с бананом

— Это «Игрок» Достоевского. «Варвар и еретик» — название потрясающее, в котором заложен огромный динамит. Как мне кажется, спектакль очень мощный, очень сильный по эмоциональному воз-

действию. Это не театр-собеседник, не театр-рассказчик. Наверное, спектакль трудно воспринимать только головой, только сердцем. Это непростая вещь. Не всякий зритель любит затрачиваться. Он иногда приходит из любопытства, отдохнуть, расслабиться. А тут мощный поток энергии. И ты не знаешь, с какой стороны тебя сейчас кольнут, с какой нанесут удар. Человек — невероятно сложный организм. И иногда сваливающийся информационный поток может быть просто разрушительным для психики. И театр — одно из тех мест, куда я могу прийти, взять секундную паузу и попытаться разобраться в себе. Я думаю, что «Варвар и еретик» — спектакль, который будоражит и беспокоит.

— Достоевский — это вообще не развлечение.

— В книге очень хорошо написано, даже гениально. И, как говорил Марк Анатольевич, если мы просто иллюстрируем, то делаем это напрасно. Можно взять книгу и прочитать. Мы же возвращаем текст в некое другое действие, это другая интонация разговора.

— Армен Борисович, в Маяковке вы фактически каждый день выходили на сцену, в «Ленкоме» у вас пока только один спектакль...

— Нет, работы хватает. Комплекс у меня не развился: я очень четко воспринимаю предлагаемые обстоятельства.

— Кинематограф тоже вас не забывает?

— С кино дела обстоят крайне непонятно. Я даже не знаю, снимаюсь я или не снимаюсь. Есть два проекта, но когда они будут завершены — не знаю. Владимир Наумов отснял замечательный фильм «Белая собака» по рассказу Тонино Гуэрра. Все зависит от финансирования. Достал Наумов деньги на один объект, сняли один объект и ждем следующих денег... Задуман был и большой 26-серийный сериал «Короли российского сыска...». Мы сняли 3 серии на те деньги, которые телевидение выделило на все 26, и встали... Есть замечательный сценарий Владимира Олейникова, у артистов есть желание работать... Но... Не понимаю, что происходит.

— Армен Борисович, что для вас театр?

— Наверное, все. Жизнь... Я до сих пор не перестаю удивляться театру. Есть у Булгакова одна замечательная ремарка: «Поднимаюсь в гибельные выси». Так вот, для меня театр — гибельные выси. Это лекарство, которое может утолить боль лучше любого пирамидона.